

Т.В. Романова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова*

**Текстовая корреляция категорий
модальность-оценочность-эмоциональность
(на материале современной исповедально-мемуарной прозы)**

В современной лингвистике объём понятия «модальность» существенно расширился, охватывая, по существу, все возможное окружение пропозиции, любой коммуникативный модус¹: модус говорения, знания, мнения, оценки. Модальность проявляет тенденцию к смыканию с категорией субъективности. Не только модально-оценочные значения различных форм и средств выражения модальности, но и психолингвистический механизм возникновения эмоций, эмоционального отношения, тесное переплетение эмоциональности и экспрессивности и наличие морфологических форм их выражения свидетельствует о том, что эмоциональность, переданная с помощью языковых средств, - это модальное явление и нет необходимости отделения ее от других разновидностей языковой модальности².

Лингвистическая модальность не только не исключает логическую модальность, но и базируется на ней. Для текстов разных жанров характерны различные конфигурации алетической, аксиологической, деонтической, эпистемической, темпоральной, пространственной модальностей.

Применительно к тексту нам кажется разумным определение модальности, которое даёт Г.Я. Солганик: «отношение к действительности – субъективно-объективное, прямое, оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально-идеологическими теориями»³.

В качестве доминирующих модальных значений по материалам современной мемуарной исповедальной прозы нами выявлены следующие.

1. Интеллектуальная модальность (утверждение/отрицание; неясность/уяснение; кажимость. уверенность/убежденность; возможность/невозможность; определенность/неопределенность).
2. Диалогическая модальность (возражение / согласие).
3. Оценочная модальность: этическая, эстетическая, логическая (истинно/неистинно; сопоставление, соотнесение, противопоставление, подчеркивание, модализированное сравнение).
4. Эмоциональная модальность.
5. Волюнтивная модальность (желательность – необходимость – долженствование – императивность).

Основу авторской модальности создают категории отношение, оценка, точка зрения. «Модальность, как выразитель отношения, по природе своей оценочна и субъективна, так как исходит только от личности.... Таким образом,

снимается дихотомия «модальность — оценка». Сутью модальности можно признать оценочные отношения⁴.

Мы взяли за основу следующую классификацию оценки, актуальную на уровне типологии текста: оценка этическая, эстетическая, логическая, эмоциональная. Тексты-оценки можно также подразделить на моносубъектные и полисубъектные, суть которых состоит в соотношении разных субъектных модусов с одним явлением, в разных оценках одного факта, а также — на мономодальные и полимодальные (разная, подчас диаметрально противоположная оценка одного и того же объекта).

Необходимо указать еще на одну особенность модальности оценки. Во многих случаях оценка входит как один из компонентов в конструкции, в основе которых лежат другие модальности. Особый интерес представляют модальности, в которых оценка составляет необходимую часть⁵. Так, аксиологическая модальность сложными способами связана с модальностью долженствования. Сходство логических структур с предикатами «хорошо / плохо» и «обязательно / необязательно» отмечалось не раз. Очевидно, что эта особенность оценки определяется ориентацией оценки на норму, на объект с такими характеристиками, которые предъявляются к нему нормативными требованиями. См. Ю. Нагибин:431 («+»), («-»).

Отношение к собаке должно быть бодрым, веселым и товарищеским, иначе это гадость. Ю. Нагибин:431.

Основная модальность, связанная с оценочной семой «+» в диктуме, - это модальность желания и близкие к ней модальности, включающие желание как свою часть. При предикатах желания событие оценивается как положительное для субъекта желания, при выражениях нежелания — как отрицательное.

Оценку события со знаком «+» для говорящего предполагает модальность просьбы, для слушающего — модальность совета. Отрицательная характеристика последствий события предполагается, если будет нарушено предостережение (см. В. Некрасов:133) или запрет (М. Козаков:182). Модальность угрозы — один из основных видов модальностей, включающих обязательный оценочный знак «-» («плохо»). См. угроза — предупреждение Е. Эткинд:40-41.

Но тут же оговариваюсь и предупреждаю — если ты, читатель, любитель, любитель крепко склоченного сюжета, завлекательной интриги, интересных, со сложными характерами героев, если ты любишь длинные, подробные, сотканые из деталей романы или, наоборот, сжатые как пружина новеллы — сразу предостерегаю: отложи эти страницы. Ничего подобного ты здесь не найдешь. В. Некрасов. Записки зеваки:133.

Вот уж был истинный, не дразняще-намекающий, а откровенный антикультовый спектакль, и дело даже не только в том, что со сцены произносились имена Сталина и Мао, «смесь грузинского с китайским». Что до имен, то начальство, конечно, запретило их поминать, однако актеры быстро восстановили вымаранное. Такое тогда еще могло сойти с рук. Но, повторяю, не в этом была сила спектакля. Открытием Аксенова и, смею сказать, театра был Кисточкин, опора и основа любого культа, притом не фельетонный жлоб, а талант, умница, карьерист, без сомнения с партбилетом в кармане, человек с безусловным и заразительным обаянием. Оттого и особенно страшный. М. Козаков:182.

Помните, вы, еще не прошедшие испытаний, вы, которых в кабинетах с дубовыми панелями будут склонять на погромные выступления и которым взамен посулят квартиру, внеочередной автомобиль, кафедру, лабораторию, отсрочку пенсии, поездку в Японию, издание книги или даже (в особых случаях) собрания сочинений, помните: вам не удастся уйти в темноту. Наступила пора гласности. Ваше предательство будет выставлено на всеобщее обозрение, ваши доносы извлечены из архивов и сейфов, ваше имя предано позору. Что литератору дороже имени? Может быть, только истина.

А если он наплевал на истину и опозорил имя, что ему остается? Петля.
Е. Эткинд:40-41.

Общеизвестна четырехкомпонентная структура оценки, включающая объект оценки, субъект оценки, основание оценки и ее характер, или собственно оценочный компонент, путем интерпретации сводимый к абсолютным оценочным предикатам. Кроме того, в модальную рамку входит ряд других составляющих, и в первую очередь фрагмент картины мира, - это система ценностей субъекта, включающая как систему ценностей социума, к которому принадлежит субъект, так и связанную с ней индивидуальную систему ценностей самого субъекта.

Среди разнообразных по форме оценочных высказываний выделяют две разновидности, которые различаются по семантике и по синтаксической структуре⁵. В логике противопоставляют два основных типа выражения модальности – модальность *de dicto* и модальность *de re*. В структуре *de dicto* модальный оператор приписывается предложению (суждению), в то время как в структуре *de re* модальность приписывает определенный признак вещи.

В модальности *de dicto* оценочная структура оформляется конструкцией модус – диктум. Оценочные модусы выражают наречиями, глаголами, модальными выражениями. В форме *de re* оценка относится непосредственно к обозначению субъекта и выражается прилагательными – определениями или предикативами, глаголами и предикативными выражениями. Как структуры *de re* Е.М. Вольф предлагает рассматривать и те случаи, когда оценка входит в значение самого слова: *кляча*- лошадь со свойствами, которые оцениваются как плохие.

По наблюдениям Н.Д. Арутюновой⁶, оценка задает определенные параметры дискурса. Оценочные предикаты информативно недостаточны. В тексте так или иначе компенсируется их смысловая неполнота и неоднозначность. Самым простым примером является дескриптивное развертывание оценки, состоящее в том, что вслед за оценочным предикатом эксплицируется эталон или фактическое положение вещей. Хотя общая оценка является итогом сопоставления положительных и отрицательных свойств объекта (последовательность сообщений часто не отражает ход практического рассуждения: говорящий сначала сообщает аксиологический итог, а потом приступает к фактической характеристике объект. Отношения в дискурсе между оценкой и дескрипцией аналогичны катафоре. См.:

Калязин – плохой город, безнадежно унылый, неживописный, с подслеповатыми угрюмыми домишками. Единственное, что в нем есть, полузатопленная колокольня – русский ампир. На дне водоема покоится затопленный собор, а еще тут взорвали прекрасный монастырь, достопримечательность и гордость заштатного городишки. Калязин неизменно хуже Кашина, куда мы тоже наведались.

В Кашине сохранились белые остовы церквей и монастырских подворий, купола, колокольни в окружении старых **прекрасных** деревьев: вязов, берез, лип, тополей. Тут создан в бывшей церкви (вернее, в соборе женского монастыря) очень **хороший** музей, которым руководит **милая молодая** женщина Вера Алексеевна. Музей закрыт на инвентаризацию, но директриса сразу узнала меня, позвонила, чтобы помещение сняли с сигнализации, и устроила для нас прекрасную экскурсию. Ю. Нагибин: 45-451.

Практически всегда интерпретируется краткое прилагательное *хорош*, *хороша* (собой) в значении 'красивый'. Это находит естественное объяснение в том, что красота не стандартна. См. '**бесконечно красивая**' в Таривердиев:59. То же самое с *привлекателен*, *привлекательна*. Но оценка '**красивый**' может и не интерпретироваться. См. Козаков:321.

А Белла всегда была такой. Она поразительно не изменилась с годами. Такая **странная, бесконечно красивая, утонченно-жеманная, но абсолютно естественная. Она никогда не наигрывала.** Такое вот создание. Такой вот **редкостный необычный цветок.** Какая-то **странная смесь татарской княжны и русской царевны.** В ней **не было простоты**, в ней никогда не было панибратства. Сколько помню, а мы знакомы так много лет, **мы всегда были с ней на «вы».** И мне всегда было **странно**, когда к ней обращались на «ты». Она как-то всегда **от всего дистанцировалась, при полной симпатии, расположении, нежности. Поразительной красоты и совершенства женщина.** И такой она и осталась. М. Таривердиев:59.

Арсений Александрович всегда казался мне очень **красивым.** Даже тогда, на Рижском взморье, когда я мало что смыслил в **истинной красоте** и даже не знал, чем занимается этот **красивый необычной красотой человек на протезе.** М. Козаков:321.

При этом эксплицируются два вида отношений. **Интерпретирующие** отношения предполагают ответ на вопрос: *Что значит хороший (плохой)?* (Таривердиев:59). **Каузальные** отношения предполагают ответ на вопрос типа *Почему хороший (плохой)?* См.:

Я самая большая сволочь на свете. Мне позвонили в Москву и сказали, что заболел Проня [собака- Т.Р.]. Но я пьянствовал и не прислал врача. Я подло придрался к тому, что в какой-то момент Гелла сказала, будто Проне стало лучше.

Врач приехал лишь на следующий день, сделал все ритуальные действия, и к вечеру Прони не стало.

Я ждал от себя чего угодно, но не такого подлого **предательства.** **Я предал** своего младшего бессловесного братика, доверившего мне свою жизнь, когда крошечным комочком, почти уместившимся в моей варежке, он поехал со мной от теплого бока матери. Хорошо же я послужил ему, хорошо **выполнил** свой малый **долг.** Ю. Нагибин:178-179.

Таким образом, общеоценочные предикаты обладают сильной валентностью на смысловое развертывание. Эта валентность предопределена их информативной недостаточностью. Ср.:

Евстигнеев был на несколько лет старше нас. Он пришел к нам уже на второй курс **законченным профессионалом.** До этого, после окончания Горьковского театрального института, служил актером Владимирского драматического театра <...>....он пришел в школу-студию **бывалым актером,** баловнем города Владимира. М. Козаков:31.

Общая отрицательная оценка еще более настойчиво, чем положительная, требует экспликации. Отрицательные оценки обладают более сильным валентностным потенциалом, чем положительные. Хотя отрицательная оценка автором не всегда интерпретируется. См. Козаков:33.

Как мог красавец Массальский, мой педагог, человек не слишком образованный, что было понятно на его занятиях по мастерству, играть Тузенбаха?! М. Козаков: 33.

Отказ от оценки — имплицитно тоже оценка, как правило, отрицательная: *«Старики стали уже действительно очень старые, а среднее поколение и молодежь... нет и продолжать не хочется!» М. Козаков:212.*

Общая оценка не всегда нуждается в развертывании. В тех случаях, когда она не является глобальной, а характеризует лишь один из аспектов объекта, возникает необходимость в ограничении сферы ее действия. Ср. Нагибин:558, Таривердиев:66; Козаков:233 (метафора *Тель-Авив — американизированный Баку*).

Совсем непросто остаться приличным человеком в наше время, даже такой пассивный подвиг дается кровью. Ю. Нагибин:558.

Он [Василий Аксенов] произвел на меня впечатление человека очень чистого, благородного. Повесть его была тонкой, изящной и пронзительной. М. Таривердиев:66.

Частнооценочные предикаты охотно образуют разные виды конъюнкции⁶: чистую конъюнкцию (*и* - отношения) (см. Лихачев: 119) противительную конъюнкцию (*но* - отношения, *да* - отношения, *реже*, *а* - отношения), уступительную конъюнкцию (*хотя* - отношения) (см. Козаков:196), возмещающую конъюнкцию (*зато* - отношения) (см. Ильин:194).

Школа К.И. Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы, и на мой жизненный, я бы сказал мировоззренческий, опыт. Класс был разношерстный. Учился и внук Мечникова, и сын банкира Рубинштейна, и сын швейцара. Преподаватели тоже были разные. Старый майский преподаватель Михаил Георгиевич Горохов обучал нас два года перспективе почти как точной науке; преподаватель географии изумительно рассказывал о своих путешествиях и по России, и за границей, демонстрируя диапозитивы; библиотекарь умела порекомендовать каждому свое. Д. Лихачев: 119.

Но вот уже что могу утверждать определенно. Пьеса Аксенова и наш спектакль «Всегда в продаже» был лучше, интересней, талантливей, чем вся трилогия вместе взятая, да еще трижды помноженная. Хоть за него нас ничем не удостоили, а за трилогию Ефремов фактически и получил Государственную премию СССР 68-го года. Формулировалось это так. «За последние режиссерские работы». И дай ему Бог! Давно пора было отметить нашего «фюлера». М. Козаков:196.

К моему времени университет официально титуловался так: Саратовский ордена Трудового Красного Знамени университет имени Н.Г. Чернышевского, а по-простому — СГУ. То же имя украшает и наш оперный театр, откуда я заключаю, что с Набоковым у меня изначально имелась хотя бы одна общая точка. Зато театру драматическому было присвоено имя Карла Маркса — видимо, из уважения к уже изведенным тогда немцам Поволжья. Не повезло в этом смысле лишь консерватории, носившей имя Леонида Собинова, да Театру юного зрителя, и вовсе безымянному. С. Ильин:194.

Между тем общеоценочные предикаты выражают некоторый итог. Они объединяют аксиологически релевантные признаки. Поэтому для них конъюнкция менее характерна. Союз *и* присоединяет предикаты с тем же аксиологическим знаком (см. Лихачев:119). Противительная и уступительная конъюнкция присоединяет предикаты с противоположным аксиологическим знаком. Общеоценочный предикат может входить в состав как первого, так и

второго конъюнкта. Если общая оценка стоит во втором конъюнкте, она подавляет собой частные достоинства или дефекты. Союз *но* сигнализирует о нарушении аксиологической гармонии. Ср.:

Прежде чем перейду к Некрасову, скажу два слова и о Лермонтове, чтоб оправдать то, почему я тоже поставил и его как уверовавшего в правду народную. Лермонтов, конечно, был байронист, но по великой своеобразной поэтической силе своей и байронист-то особенный — какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый, вечно неверующий даже в собственное свое вдохновение, в свой собственный байронизм. Но если б он перестал возиться с больною личностью русского интеллигентного человека, мучимого своим европеизмом, то наверно бы кончил тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой, и на то есть большие и точные указания. Но смерть опять и тут помешала. В самом деле, во всех стихах своих он мрачен, капризен, хочет говорить правду, но чаще лжет и сам знает об этом и мучается тем, что лжет, но чуть лишь он коснется народа, тут он светел и ясен.<...> Повторяю, оставался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признававшего правду народную, а может быть, и истинного «печальника горя народного». Но это имя осталось Некрасову... Ф. Достоевский: 503-504.

Если общеоценочный предикат занимает первое место, возможны два вила конъюнкции — противительная и уступительная. В первом случае можно ввести модальность оценки (*может быть*), во втором — нет. См.:

Гейченко натура не трагическая, скорее шутейная.. И все-таки с ним интересно, без него жизнь станет куда тусклее. Ю. Нагибин:398.

Возмещающая частица *зато* не может войти в но- конъюнкт, если в первой части стоит общая положительная оценка, только если отрицательная. См.:

Деревенский дом, ориентир — скотный двор. Правда, скотины в нем не было, колхоз в Мутовках был никудышный. Но зато были коровы у местных, а значит, мы пили молоко. Молоко и черный хлеб. Детство, счастье...

В Мутовках было два особенно привлекательных места — река Воря и абрамцевская усадьба. Я не ошиблась в порядке — узкая извилистая речка была у нас на первом месте. Купались мы в бочаге, нестрашном и веселом днем, при ярком солнце, темном и таинственном в сумерках, когда стелился туман по болотцам у реки и начинало пахнуть дикой смородиной и крапивой.

Правда, для меня радость от купания кончилась быстро. Андрей залетел научить меня плавать и, следуя известному методу, швырнул меня в печку. Сделать это ему не составило труда — была я маленькая и такая худая, что в то лето меня звали «вымирающий индус». Плавать, правда, я не научилась, но зато еще долго боялась воды. М. Тарковская:121-122.

Таким образом, для общеоценочных предикатов наиболее характерна уступительная конъюнкция и наименее естественна «чистая» и- конъюнкция. Для частнооценочных предикатов одинаково приемлемы все виды конъюнкции (*но, зато, да, хотя*)⁶. Очень часто указанные виды конъюнкции алогичны, что тоже является средством оценки. См «интеллигентность и подлость» - прием «срывание масок» Л. Чуковская, т. 3:182, С. Довлатов.: «Он хитрый, мелкий, но довольно симпатичный»; «Прочел с удовольствием. Рассказы замечательные. Плохие, но замечательные», С. Довлатов «Загадка Фолкнера. Смесь красноречия и недоговоренности С. Дославтов. Из записных книжек.

Под наблюдением исследователей, истинностная оценка выражается преимущественно грамматически (модальностью), этическая – лексически.

Отношения соотнесения, сопоставления, сравнения, выделения, подчеркивания выражаются союзами, сравнительными частицами, сравнительными конструкциями. *Как* выражает реальное сравнение; *будто*, как *будто*, *точно*, *словно* — гипотетическое; *будто* свидетельствует о личной ассоциации автора, о субъективности предположения; *как будто*, *точно*, *будто* представляют внешнюю точку зрения, говорящий от нее дистанцируется, могут служить средством внутренней диалогизации речи; *словно*, *как если бы* отражают точку зрения говорящего, являющуюся и точкой зрения самого субъекта ситуации; *будто бы* употребляется для подчеркивания неискренности поведения объекта описания («*будто бы* вскользь сообщил» Ю. Нагибин), для выражения неуверенности в том, что сообщается, или полного его отрицания («*Как неправда и то, что Ефремову будто бы удалось создать театр исключительно потому, что другом его был Аджубей*» М. Козаков); в обороте *все равно что (как)* частица *все* подчеркивает невозможность, абсурдность сопоставления; союз *так же, как* является знаком абсолютного уподобления предметов. Идею сравнения выражает прилагательное *похожий* и его дериваты.

Логическая операция сравнения лежит в основе семантики альтернативы (выбора). Тексты, в которых заключена идея выбора, не однородны по своей семантике: их специфика зависит от типа синтаксических структур, оформляющих семантику альтернативы, от их интонационного оформления, от семантики альтернативных союзов, их экспрессивных возможностей, от семантики лексем, выражающих идею выбора.

Из союзов наиболее выразителен одиночный союз *или*. Структура с союзом *или* часто используется в заголовках исповедальной прозы (А. Зубов «Сорок дней или сорок лет?»; И. Смоктуновский «Быть», имплицитно присутствует прецедентный текст «Быть или не быть!»). Повторяющиеся альтернативные союзы *или*, *либо* могут быть экспрессивно-категоричными, свидетельствовать о «максималистском способе мышления», оформлять речевой акт угрозы, ультиматума. В исповеди подобный речевой акт возможен только в пересказе от третьего лица, что объясняется интенциональной направленностью жанра, спецификой адресата.

В функции предпочтения без основания выбора используются компаративы *лучше*, *раньше*, *охотнее*, *скорее*, *легче* и подобные. Автономное *лучше* и др. оставляет за адресатом право выбора; сочетание *лучше* с частицей *уже* имеет значение «неуступчивой уступчивости» в ассоциативном диалоге, инфинитив с частицей *бы* плюс «*лучше*» — значение ирреального (возможного) предпочтения. Автономное *лучше* выражают ценностные сравнения. Для ментальности языковой личности, представленной в исповедальной прозе, актуально соотнесение следующих категорий: *любовь / свобода*, *любовь / скорбь*, *добро / зло*, *нравственность / безнравственность* (*богатство / бедность*), *талант / бездарность*, *здоровье / нездоровье* и др. Предпочтение может быть выражено также конструкцией с союзом *а* при отрицании, простой и составной формами сравнительной степени прилагательного в предикативном

употреблении, поддерживаться устойчивыми сочетаниями, союзными средствами, частицами.

Сопоставление в тексте градиционно ведет к противопоставлению, которое часто осложняется оттенком уступки: уступка семантически предполагает возмещение или более сильную степень — замещение.

Логическую оценку нельзя категорично противопоставить эмоциональной оценке. Рассматривая их когнитивную структуру, исследователи приходят к выводу о тесной связи интеллектуальных и эмоциональных процессов человеческой деятельности.

Так, например, существует понятие **интеллектуальная эмоция**. Но если, в целях осознания специфики, разводить интеллектуальную и эмоциональную системы человека, то следует сказать, что логическая оценка — это результат процесса мышления, интеллектуальной деятельности, языковыми маркерами которой являются следующие: *воображать, представлять, считать, полагать, понимать, осознавать; интуиция, озарение; доходить, осенять; знать, ведать; верить, догадываться, подозревать; помнить, запоминать, вспоминать, забывать* и т.п. Интеллектуальная деятельность локализуется в *сознании (уме, голове)* и выполняется им же. Семантические примитивы - «*знать*», «*считать*». Эмоции у человека локализуются в *душе, сердце* или в *груди*. Семантический примитив — «чувствовать»⁷.

Семантика истинности связана с модальностью «кажимости», утверждения / отрицания, приблизительности, неопределенности, предположения, недостаточного основания.

Модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через «я» говорящего). Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире. Категория эмоциональной экспрессии относится к внешней модальности и составляет ее ядро: в терминологии В.Б. Касевича⁸, В.С. Храковского⁹, модальность включает в себя два тесно взаимодействующих и взаимосвязанных типа, объективную и субъективную, или, другими словами, внутреннюю и внешнюю модальность. Внешняя модальность, в отличие от внутренней, относится ко всей пропозиции, в чем и реализуется тезис «эмоциональное отношение к предмету речи». При определении предмета речи доминирующей является внутренняя модальность, при определении эмоционального отношения — внешняя модальность.

Эмоции, представляя собой чувственную форму познания как непосредственную реакцию на внешний или внутренний раздражитель, основанную на удовлетворении потребности человека, в отличие от модальности, не являются фактором, конституирующим и определяющим характер суждения в логике.

Возникновению эмоции в большинстве случаев предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-либо положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта, вероятного или маловероятного и т.п.⁷. Все это объясняет феномен модальности эмоций. Кроме того, очень многие речевые акты диктуются разного рода эмоциями (ср. *умолять, клеймить, бахвалиться, скулить* в значении «жаловаться» и т.п.) или желанием вызвать определенные эмоции у адресата (*стыдить, умолять, упрекать* и т.п.).

Все средства передачи эмоциональности могут быть классифицированы по характеру значимости и интерпретированы в терминах абсолютных оценочных предикатов «хорошо / плохо», отсюда логично предположить, что эмоциональность, будучи по природе антропоцентрической, должна соприкасаться с оценочностью, которая не мыслима вне субъекта оценки.

«Эмотивность» как собственно «оценочность» в том смысле, который подразумевается в работе Е.М. Вольф (1985), лишь косвенно соотносится с эмотивностью в теориях эмотивистов, где это понятие подразумевает не просто отношение субъекта к объекту, но отношение, связанное с эмоциями. «Эмотивный» (собственно оценочный) компонент характеризует прежде всего глаголы, которые указывают лишь на отношение субъекта к объекту, но не обозначают свойств последнего, такие как *нравиться / не нравиться, ценить, одобрять* и т.п. «Эмотивность» содержится также в семантике глаголов эмоционального отношения *радоваться, огорчаться, возмущаться* и т.п. (*радоваться* — хорошо, *возмущаться* — плохо). Глаголы *любить, нравиться, ненавидеть, восхищаться, восторгаться, негодовать* и др., являясь средствами выражения эмоционально-оценочного отношения, градуированы по степени эмоционально-оценочной реакции субъекта. В соответствии с концепцией панэмоциональности, любое слово языка эмотивно. Об этом говорится в работах Ш. Балли, Л.Б. Бабенко, В.И. Шаховского.

Индикаторами эмотивов являются фразеологизированные конструкции соответствующей семантики (например, вопросительные по форме высказывания, не имеющие собственно-вопросительного значения), междометные высказывания, прерванные предложения, эмоциональные паузы, парцелированные, сегментированные, присоединительные конструкции, повторы, восклицательные высказывания, императивы, суффиксы со значением уменьшительности, ласкательности.

Психологи утверждают, что в языке не может быть «прямого» отражения эмоций, но только такое, какое «снято» в языковых выражениях в формах пережитой эмоции или чувства. Так, Г. Шингаров замечает, что «в психологии понятие эмоции употребляется для сферы чувств-переживаний, а понятие эмотивности — для обозначения психических процессов, связанных с эмоциями, но несводимых к ним»¹⁰. Иными словами, эмоции описываются в языке его формами (исключением здесь можно считать междометные формы, которые не описывают, а сигнализируют об эмоциональном состоянии субъекта), а это означает, что они выражены не непосредственно (в виде

сигнала), а опосредованно — в виде описания чувств-отношений или чувств-состояний. Поэтому необходимо различать текст, целью которого является выражение эмоции, эмотекст в строгом смысле слова, и текст — эмоциональную оценку.

Итак, подводя итоги рассуждения о соотношении эмоциональности - оценки - модальности, можно сказать, что эмоция задает определенный угол зрения субъекта, провоцирует положительную или отрицательную модальность; эмоциональное состояние говорящего активизирует его аксиологическую деятельность, провоцируя категоричность оценочного содержания, гиперболизацию достоинств и недостатков оцениваемого предмета или лица и т.д.

Примечания

1. *Таривердиева М.А.* Семантика модальных глаголов и их роль в предложении – высказывании // Филологические науки, 1987. №6.
2. *Петров Н.Е.* О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982. С. 101-102.
3. *Солганик Г.Я.* О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады XVII Междунар. конф. / Отв. ред. Е.И. Диброва. М., 1999. С. 371.
4. *Попова Е.А.* Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Канд. дис. Липецк, 1996. С. 39-40.
5. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
6. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека: 2-е изд., испр. М., 1999.
7. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995. №1. С. 42; 47-48.
8. *Касевич В.Б.* Язык и знание // Язык и структура знания. – М., 1990.
9. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
10. *Шингаров Г.Х.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1971. С. 3, 91.

Тексты мемуарной прозы цитируются по изданиям:

Нагибин Ю.М. Дневник. М., 2001.

Некрасов В.П. По обе стороны океана: Записки зеваки: Саперлипопет, или Если б да кабы, да во рту росли грибы... / Сост. А. Парниса. М., 1991.

Козаков М. Актерская книга. М., 1997.

Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика: Барселонская проза. СПб., 2001.

Таривердиев М.П. Я просто живу. «Впереди, мне казалось, меня ждет только радость...» М., 1997.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М., 1989.

Тарковская М. Осколки зеркала. М., 1999.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997.

Довлатов С. Собрание прозы: В 3 т. СПб., 1995.

Зубов А. Сорок дней или сорок лет? // Новый мир, 1999. №5.

Смоктунувский И.М. «Быть!». М., 2000.